

Языковой порядок в современном мире (Рецензия на монографию М.А.Марусенко)

В новой монографии М.А. Марусенко рассмотрена языковая политика различных государств с привлечением данных социологии, политической теории, демографии и социолингвистики.

Ключевые слова: языковая политика, языковая идеология, национальное государство, национальный язык.

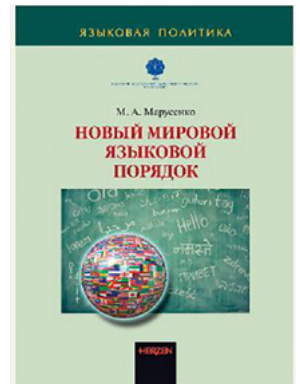
Analyzed the new monograph by M.A. Marusenko on the language policy of various States using data from sociology, political theory, demography and sociolinguistics.

Keywords: language policy, language ideology, national state, national language.

Вышла в свет монография М.А. Марусенко «Новый мировой языковой порядок» — заключительная книга из цикла ранее опубликованных монографических исследований языковой политики и языковой идеологии одной страны¹, наднационального образования², эволюции мировой системы языков³, связей языка с национальной идентичностью⁴. Пятая книга этого цикла посвящена актуальной проблеме современности — формированию нового мирового языкового порядка, приведшего, по мнению автора, к смене ведущей парадигмы языковой политики.

Монография в первую очередь ориентирована на специалистов, профессионально занимающихся вопросами языковой идеологии, языковой политики и языкового строительства, а также для всех граждан нашей мультиэтнической и многоязычной страны, которые интересуются этими проблемами или сами являются объектами реализуемых в этих областях решений.

М.А. Марусенко в монографии последовательно развивает подход, который был реализован в его предыдущих работах: языковая политика представляет собой комплексную научную дисциплину, опирающуюся на достижения философии, социологии, экономической теории, политологии, социологии, демографии и социолингвистики. Перефразируя известное изречение,

Марусенко М.А.
Новый мировой языковой порядок. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2018. 684 с.

Marusenko M.A.
Novyi mirovoi iazykovoi poriadok. St. Petersburg: Izd-vo RGPU im. A.I. Gertsena, 2018. 684 s.

ISBN 978-5-8064-2630-8

¹ Марусенко М.А. Языковая политика Франции. СПб.: Издательский дом СПбГУ, 2011. 624 с.

Marusenko M.A. Language policy of France. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State University, 2011. 624 p.

² Марусенко М.А. Языковая политика Европейского союза: институциональный, образовательный и экономический аспекты. СПб.: Издательский дом СПбГУ, 2014. 288 с.

Marusenko M.A. The language policy of the EU: institutional, educational and economic aspects. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State University, 2014. 288 p.

³ Марусенко М.А. Эволюция мировой системы языков в эпоху постмодерна: языковые аспекты глобализации. М.: Издательство ВКН, 2015. 496 с.

Marusenko M.A. Evolution of the world system of languages in the postmodern era: linguistic aspects of globalization. Moscow: VKN Publishing House, 2015. 496 p.

⁴ Марусенко М.А. Языки и национальная идентичность: современные вызовы национальному единству и территориальной целостности. М.: Научно-политическая книга, 2015. 575 с.

Marusenko M.A. Languages and National identity: Modern challenges to National unity and Territorial integrity. Moscow: Scientific and Political book, 2015. 575 p.

приписываемое Наполеону, автор считает, что языковая политика — это слишком серьезное дело, чтобы доверять его одним лингвистам.

Комплексный подход к языковой политике не может быть однофакторным. Поэтому слабое знание лингвистов экономических аспектов образовательной политики в сфере изучения иностранных языков может привести к тому, «что они оказываются неспособными оценивать такие идеи с экономической точки зрения. Недостаточный интерес со стороны не только лингвистов, но и экономистов к *экономике языков* имеет и объективные причины: язык настолько многогранен и играет такую важную роль в человеческом обществе, что его трудно, практически невозможно, свести к *одной переменной* определенного рода. Кроме того, очень сложно оценивать *долгосрочные последствия* определенной языковой политики для всего общества, потому что польза от нее предвидится только в отдаленном будущем, и, до тех пор пока не станет слишком поздно, невозможно узнать, жизнеспособен ли предлагаемый план» (С. 197)⁵.

Языковая политика как часть национальной политики входит в более широкий комплекс проблем, связанных с возникновением и существованием национальных государств, формированием наций и воспитанием национальных, региональных и этнических идентичностей.

В условиях отсутствия подготовки специалистов по языковой политике к такой работе чаще всего привлекаются социолингвисты или специалисты по малым языкам, которые исторически ориентируются на западноевропейские или североамериканские исследования, заимствуя оттуда научные парадигмы и методы исследования. Однако на сегодняшний день, в условиях экономической, политической и культурной глобализации, для развивающихся стран (к которым относится Российская Федерация, официально исповедующая экономическую стратегию догоняющего развития — *catching up strategy*) гораздо больший интерес представляют процессы, протекающие в экономически быстро развивающихся государствах Юго-Восточной Азии («новые азиатские тигры») и в странах БРИКС. Все они являются мультиэтничными и многоязычными.

Монография М.А. Марусенко состоит из авторского предисловия, пяти глав и внушительного библиографического списка. Следует отметить недостаток редакционно-издательской подготовки — неравномерное распределение материала по главам. Объем первой главы — 30 страницы, пятой — около 200. Обращает на себя внимание отсутствие заключения к общирному материалу, т.е. подведения итогов, если учесть, что это пятая книга цикла.

Однако обилие материала, представленного и осмысленного автором в монографии, представляет несомненный научный интерес.

В первой главе «*Новый мировой порядок*» проанализированы политические вызовы, возникшие в результате распада Советского Союза, и реконфигурация мирового порядка в связи с появлением новой многополярности, в которой важнейшую роль стали играть страны, до недавнего времени не воспринимавшиеся как игроки на мировой политической арене. М.А. Марусенко описывает историю возникновения термина «*новый мировой порядок*» и его базовой идеи — *мировое правительство*.

«Конспирологическая версия» создания нового мирового порядка подкрепляется обширным фактическим материалом, делающим достоянием широких кругов факты, ранее доступные лишь редким исследователям [10].

В монографии показано, что конец *Rex Americana* ведет к формированию нового мирохозяйственного порядка, отличного от принципов либеральной глобализации, навязываемых США и их союзниками. Либеральная американоцентричная глобализация уступает место более сложной полицентричной системе организации мировой экономики на основе крупных региональных объединений стран, центром формирования которой стал Китай (С. 80–83).

Вторая глава «*Языковые идеологии, языковые политики и языковое строительство*» посвящена анализу отношений между этими основными понятиями предметной области, которую большинство людей нерасчлененно именуют просто «языковой политикой» (С. 97). М.А. Марусенко придерживается точки зрения, что только эксплицитно сформулированная

⁵ Здесь и далее в скобках указаны страницы рецензируемого издания.

языковая идеология сможет сформировать языковую политику, которая, в свою очередь, позволит решать проблемы языкового строительства. Отсутствие в Российской Федерации сформулированной языковой идеологии является препятствием для формирования рациональной языковой политики и приводит к принятию решений по языковому строительству, иногда противоречащих задачам укрепления национального единства и территориальной целостности. Поэтому анализ любой языковой политики и языкового строительства должен проводиться на основе изучения языковой идеологии.

Сегодня уже общепризнано, что использование языка, отношение к нему и представления о нем связаны с соотношением сил и политическими договоренностями, достигнутыми в обществе. Языковые идеологии зависят от социальных, политических или исторических условий. Не существует языковых идеологий, не изменяющихся во времени. Языковые идеологии часто становятся полем борьбы за более общие проблемы, такие как раса, государство и нация, они всегда выходят за круг представлений о том, как индивидуальные носители относятся к своему языку или используют язык в разных ситуациях. Они включают в себя ценности, практики и идеи носителей об использовании языков, а также дискурс, который формулирует эти ценности и идеи на государственном, институциональном, национальном и глобальном уровнях. Языковые идеологии представляют собой инструмент, с помощью которого властные группы осуществляют свой контроль и управление над теми, кто лишен властных функций. Идеологии доминирующих групп редко бывают монолитными и постоянными: наоборот, они многочисленны и меняются со временем (С. 45).

Постмодерн и глобализация привели к переосмыслению и перестройке языковой идеологии, языковой политики и языкового строительства. Автор дает развернутое описание современного состояния следующих типов языковых идеологий: языковой империализм, языковой космополитизм, био-эволюционная метафора (экология языков), языковая идеология национального государства, лингвистический политкорректный дискурс, гравитационная модель системы языков, обучение на родном языке, языковое разнообразие, языковой национализм, языковые права, этнокультурная парадигма, национально-функциональная парадигма (С. 97–100).

В параграфе «*Языковая политика vs языковое строительство*» (С. 183–191) показана связь между этими компонентами вмешательства государства в языковую ситуацию. В зависимости от различных вариантов языковой идеологии формулируются разные варианты языковой политики и, соответственно, различные решения в сфере языкового строительства (языковые законы, изменения в структуре образовательных программ и др.).

В третьей главе «*Новый мировой языковой порядок*» рассмотрены противоречия между доминирующими в настоящее время языковыми идеологиями — англо-американской языковой идеологией и другими видами идеологии распространения английского языка как мирового (С. 215).

Глобализация лишь углубила пропасть между бедными и богатыми, создав *раскол по английскому языку* (*English divide*) (С. 197). Тем не менее продолжают публиковаться материалы, в которых утверждается, что доступность качественного обучения английскому ведет к значительному увеличению *человеческого капитала*, содействует росту *национальной экономики* и конкурентоспособности на международной арене. Все это имплицитно направлено на поддержку социально-экономического капитала глобального английского (С. 198).

Еще пять веков назад самыми изучаемыми языками были греческий, латинский, древнееврейский, халдейский и арабский. На сегодняшний день ими являются английский, французский, испанский, мандаринский китайский и арабский языки. Такое изменение показывает, что *распространенность* языка — это вопрос *моды, поколения, доминирующей цивилизации* и, главное, *практической полезности* (С. 222). Влиятельность языков и их гегемония зависят от международной ситуации, определяемой *геополитическими* и *геостратегическими* факторами. Геополитика — это изучение влияния географических, экономических и культурных факторов на политику государств и на международные отношения. Все эти факторы имеют свои языковые аспекты. Что касается геостратегии, то это изучение образования территорий военным путем, включая давление на государства, конфликты интересов, борьбу за контроль над регионом или целым миром, т.е. претензии на лидерство в международном масштабе.

Применение этих двух понятий к языку делает из него инструмент *завоевания власти и гегемонического положения* какой-либо нации. Таким образом, язык является *силой*, которой пользуются некоторые государства для завоевания *контроля над миром* (С. 225, 231).

Политика *тотальной языковой ассимиляции* основана на *идеологии*, согласно которой тот, кто навязывает свой язык, навязывает свою культуру, а тот, кто навязывает свою культуру, навязывает свой *образ жизни* и свое *мировоззрение*. Теория *языкового империализма* является частью теории *культурного империализма*, сформулированной в секретном отчете англо-американской конференции по преподаванию английского языка за рубежом (С. 199, 229).

Место, в настоящее время занимаемое английским языком, отнюдь не является подарком небес: это исторический результат многих войн, захватов территорий, колониальных экспансий, миграций и др., осуществляемых сначала Великобританией, а затем США. После Второй мировой войны *мировая система языков* находится под сильным давлением *экономических и идеологических факторов*.

Языковой империализм – это теоретический конструкт, разработанный для объяснения причин того, почему использование некоторых языков растет, а других – падает, почему политические структуры и идеологии ускоряют эти процессы и какова в этом роль лингвистов-теоретиков и преподавателей языков (С. 229).

Английский язык, как и английское образование, с идеологической и экономической точек зрения превратился в бренд (С. 226). В экономическом отношении США и Великобритания продают по всему миру свои культурные продукты, а также хорошо зарабатывают на обучении английскому языку, ставшему высокорентабельной отраслью национальных экономик, а все неанглоязычные страны вынуждены финансировать изучение английского языка своими гражданами и оплачивать стоимость переводов с английского языка и на него (С. 205).

Усилению роли английского языка способствовала уникальная историческая конъюнктура: *Pax Americana* последовал за *Pax Britannica*, сохранив тот же доминирующий язык, как если бы за Римской империей возникла другая империя, в которой доминировал бы тот же латинский язык.

Многие американцы совершенно искренне не понимают, почему другие народы не хотят переходить на английский, что сделало бы их жизнь намного проще и устранило бы причины многих конфликтов. Ведь если бы все придерживались их порядков, их ценностей и их демократии, на земле наступил бы всеобщий мир. В эту же парадигму входят единый язык и единая культура, и все это соответствует *англосаксонской протестантской идеологии*, согласно которой англосаксы (*WASP — White Anglo-Saxon Protestants*) являются богоизбранным народом, предназначенным для колонизации Америки и утверждения идеалов свободы во всем мире. С этой точки зрения возможность пользоваться во всем мире единым языком является продолжением того же «*божественного выбора*». И, соответственно, *многоязычие* рассматривается либо как *утопия*, либо как *фольклорный пережиток* (С. 206).

Поскольку экспансия английского языка является реальной целью США, все *конкурирующие* языки, даже большие мировые, относятся к разряду *региональных, устаревших* или даже *архаичных*. Но основным недостатком других языков для американцев считается отсутствие у них *универсальности*. Многие считают, что страны Юга бедны потому, что из-за непонятого упрямства там в школах преподаются их *национальные языки*, а матери из-за того же упрямства говорят с младенцами на своем *родном языке*. Английское *моноязычие* представляется символом *единства и эффективности*, а *многоязычие* — *злом* и источником *конфликтов* (С. 206).

Язык приобретает статус *международного* в первую очередь благодаря *политической силе* его носителей (С. 207).

В четвертой главе «*Российская языковая идеология*» автор предпринимает попытку сформулировать современную языковую идеологию, которая должна реализовываться в Российской Федерации, на основе геополитического положения России, российской интерпретации модели современного мирового порядка, высказываний руководителей российского государства и решений в области языкового строительства. Основным содержанием современного этапа развития языковой идеологии является переход от предшествующей этнокультурной парадигмы,

в которой языки рассматривались прежде всего с точки зрения сохранения языкового разнообразия, поддержка которого считалась главной задачей ученых, политиков и лидеров языковых сообществ в бывших республиках СССР (ленинско-сталинская национальная политика).

Распад Советского Союза и образование на его территории новых национальных государств привели к интенсификации этнических процессов, которые спровоцировали дискурсивное переосмысление истории СССР и изменение соотношений статусов идентичностей новых титульных и миноритарных групп. Внутри России стали возникать конкуренция и сосуществование разных национальных и националистических идеологий, которые отразились на юридическом и фактическом статусе русского языка. С другой стороны, модернизация экономики и глобализационные процессы вызвали конфликт между старой и новой языковыми идеологиями, изменивший систему представлений об отношениях языков в обществе под влиянием экономических и политических интересов.

Новая языковая идеология формируется на основе идеологии развития. Эндеогенное развитие государства должно приобщать всю массу населения к достижениям современной цивилизации. Для этого необходима мобилизация всего народа в поддержку политики, направленной на благо народа. Основой такой мобилизации может быть приоритет человеческого развития — капиталовложения в образование и здравоохранение, т.е. то, что называется человеческим капиталом (С. 284–287).

После Второй мировой войны многие «переходные нации» стали осознавать связь между языками, социально-политическими проблемами и задачами развития. В новой идеологической парадигме, получившей название национально-функциональной, языки рассматриваются прежде всего как инструмент развития, средство увеличения человеческого капитала каждого человека. Изменения языковой ситуации под влиянием новой языковой идеологии показаны на примерах различных субъектов Российской Федерации, в частности Республики Крым (С. 312).

М.А. Марусенко полагает, что для интеграции российской нации необходим единый язык, подразумевающий единую систему ценностей. При этом свои ниши в культурном пространстве должны занимать и языки национальных меньшинств. Но положение этнических языков следует определять не сверху, а в процессе переговоров, опираясь на принципы равенства и экономической целесообразности. Сохранение позиций русского языка на постсоветском пространстве, как считает автор монографии, обусловлено позициями русского культурного наследия: «общераспространенность русского рассматривается не как подлежащее преодолению наследие колониализма, а как богатство *собственной культуры*» (С. 312).

Пятая глава «*Новый мировой языковой порядок: региональные версии*» раскрывает содержание третьего большого силового сдвига эры постмодерна, который представляет собой подъем «остального мира», вызвавший изменения мировой системы языков. В результате каждая большая языковая группа (синосфера, индосфера, арабосфера и др.) старается сформулировать идеальную с ее точки зрения модель нового языкового устройства. Индосфера и синосфера базируются на сильных традициях в языке, истории, культуре, выходящих за рамки национальных границ. По мнению М.А. Марусенко, индийская и китайская «цивилизации накопили такую внутреннюю энергию, которая дает им ключи к глобальному присутствию и изменению мировой системы языков в желательном для них направлении» (С. 329). Более того, автор отмечает, что индосферу и синосферу характеризует языковая креативность, имеющая потенциал для влияния на Запад.

В работе изложены арабская версия, версии, существующие в Азиатско-Тихоокеанском и Южно-Тихоокеанском регионах, индийская, корейская, японская, малайзийская версии и др.

Должное внимание в монографии уделено региональным версиям нового мирового языкового порядка. Автор выделяет арабскую, индийскую, корейскую, малайзийскую, пакистанскую, сингапурскую, японскую, французскую, шведскую, английскую, китайскую и другие версии. При этом языковые политики не являются чем-то стабильным, а представляют собой реагирование на конкретные экономические, политические, культурные изменения в стране и мире. Показателен пример Малайзии, где в колониальную эпоху единственным языком обучения был английский. Однако, став независимым государством в 1957 г., Ма-

лайзия провозгласила официальным и национальным языком малайский (бахаса) (С. 327). При этом английский получил статус второго языка. Невзирая на попытки законодательно обеспечить повсеместное функционирование малайского языка, в 2002 г. языковая политика Малайзии претерпела существенные изменения: взяв за основу экономические соображения, малайзийское правительство приняло решение об обязательном изучении естественных и математических дисциплин на английском языке начиная с первого класса начальной школы.

Пакистанская модель языковой политики (С. 403) основывается на доминировании английского языка, открывающего доступ к элитным должностям. Роль интегрирующего различные этнические группы играет язык урду. Однако с критикой поддержки урду выступают местные этнонационалистические элиты Синдха, Северо-Западной пограничной провинции и Белуджистана, выступающие за перевод системы образования на материнские языки.

Особое внимание автор уделяет европейской языковой идеологии и политике, включая языковые последствия Brexit (С. 576), а также языковой идеологии нашего ближайшего соседа — Китайской Народной Республики (С. 605).

Монография М.А. Марусенко «Новый мировой языковой порядок» дает описание эволюции мировой системы языков под влиянием политических, экономических и социальных процессов, связанных с глобализационными изменениями в разных регионах мира, и показывает роль языков в увеличении человеческого и культурного капитала и повышения социально-экономического уровня жизни людей.

Впервые представлено осмысление нового мирового языкового порядка, устанавливающегося в эпоху перехода к полицентричной системе международных отношений с множеством уровней управления и сетевой организацией.

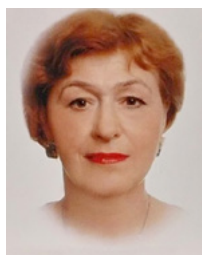
Бесспорен вклад монографии М.А. Марусенко в науку, который обусловлен масштабностью, глубиной и комплексностью рассматриваемых проблем. В этой связи монографию «Новый мировой языковой порядок» можно рассматривать в качестве эталона современной научной литературы, отражающей актуальные вопросы языковой политики и языкового строительства.

Бахтикиреева Улданай Максутовна,
доктор филологических наук,
профессор кафедры русского
языка и межкультурной коммуни-
кации Российского университета
дружбы народов

Bakhtikireeva Uldanai M.,
Doctor of Philology, Professor
of the Russian Language
and Intercultural Communication
Department
Peoples' Friendship University
of Russia

e-mail: uldanai@mail.ru

Тюрина Людмила Георгиевна,
доктор филологических наук,
профессор, редакционный директор
журнала «Филологические науки»

Tyurina Lyudmila G.,
Doctor of Philology, Professor,
Editorial Director of Journal
"Philological Sciences"

e-mail: philolnauki@gmail.com

Бутенко Владислав Александрович,
аспирант факультета гуманитарных и социальных наук
Российского университета дружбы народов

Butenko Vladislav A.,
PhD student of the Humanities and Social Sciences Faculty
Peoples' Friendship University of Russia

e-mail: A.vladvlad189@yandex.ru

